

СОБЫТИЯ, происходящие ныне в Музыкальном театре имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, не только обескураживают, но и серьезно настораживают. На протяжении долгих лет своего существования он видел многих блестящих артистов, разных режиссеров и дирижеров, директоров, были взлеты и падения, но в последнее десятилетие его все больше снедала унылая рутинная, отнесшая на периферию музыкальной жизни страны. «Нездоровье» театра в немалой степени способствовало и те уникальные бедственные состояние, к которому привели пожизненная «опека» государственно-административной системы и творческая беспомощность и бесплодность возглавлявших труппу деятелей.

Около двух лет назад было решено обновить состав руководства театра. Назначение художественным руководителем и главным дирижером Евгения Колебова, отличившего себя уже в Свердловске и в Ленинграде, было не только своевременным, но, пожалуй, и единственно правильным. Уже первые его премьерные работы стали подлинными явлениями в художественной жизни столицы. Возникли интересные перспективы, в том числе и международного сотрудничества. О последних успешных гастролях оперы в Италии немало писала зарубежная и отечественная пресса.

А между тем состояние самого театра, бедственное положение артистов, получающих нищенскую зарплату (120—130 рублей при 21—22 спектаклях в месяц), отсутствие элементарных условий для работы, грязь, запустение, то есть все то, что должно было стать повседневной заботой невопри-

Кода конфликта

знанного директора Б. Земцова, продолжало служить лишь поводом для унижающих имений театр анекдотов и острот. Но до шуток ли, когда директор, пренебрегая прямыми обязанностями, занимается весьма сомнительными делами: подделывает на важном документе подпись Колебова; без ведома своих коллег, не поставив в известность ни художественного руководителя, ни главного бухгалтера, подписывает договор с зарубежной фирмой, обречая театр на долговременную творческую и экономическую зависимость от западных партнеров. И что удивительно, ни малейшей обеспокоенности не вызвали эти «проделки» директора у руководства главка, чьим ставленником он являлся. Бель театра, живятредущими проблемами большего творческого коллектива, неоднократно обращавшегося за помощью и поддержкой в высокие инстанции и непосредственно к начальнику управления культуры тов. И. Бугаеву, не получали никакого отклика.

Доведенные до отчаяния люди были вынуждены пойти на экстремальные действия. Решением общего собрания коллектива хора осенью минувшего года был образован стачечный комитет и вскоре проведена однодневная предупредительная голодовка, о чем сообщала и наша газета.

— Мы — не рабы и не попрошайки! — заявили артисты хора и оркестра. — Требуем повысить зарплату, дать театру статус российского, уволить директора Земцова!

Е. Колебов приостановил исполнение своих служебных обязанностей.

Казалось бы, беды и горести борьбы артистов за свои права группа солистов, обиженных «несправедливым» распределением главных ролей в возобновляемой Е. Колебовым постановке «Евгений Онегин», публикуют в «Вечерней Москве» негодующее письмо министру культуры СССР Н. Губанке и министру культуры России Ю. Соломину.

— Мы, — пишут они, — прекрасно понимаем, что Е. Колебов — замечательный музыкант, один из лучших дирижеров страны. Вот почему мы считаем, что в интересах искусства Евгений Владимирович должен остаться главным дирижером, не должен быть освобожден от обязанностей художественного руководителя...

— Только таким путем, — считают они, — раскол в театре, грядущий его гибелью, может быть преодолен.

А что касается претензий коллектива к Земцову, то в его лице, утверждает оппозиция, «по сути является инкассацией, негодный человек, не согласившийся с очередным неадекватным требованием Е. Колебова».

Неудивительно, что подобные публичные заявления именины мастеров сцены вызвали ответные негодующие протесты.

— Колебова называют деспотом, но это оттого, что многие в театре протест разучились работать, а он сам работает, как вол, и от других требует такой же самоотдачи, — гово-

рит солист оперы В. Кирнес.

А председатель цехкома Р. Орешкина глубже убеждена, что если те, кто дебиачится скорой расправой, победят, это будет не победа, а поражение для всего музыкального искусства страны, потому что тогда Колебов уйдет».

...Конфликт разрастался все глубже.

15 декабря, не добившись у московского комитета по вопросам культуры удовлетворения своих требований, первое из которых — увольнение директора, артисты хора, оркестра и группа солистов оперы объявили забастовку, что повлекло за собой показ неположенных спектаклей и некий раскол между теми, кто вышел в те дни на сцену, и оставшимися по другую сторону рамы. А недоуманному зрителю было представлено изуродованное закулисными конфликтами искусство. Правоммерно возникает вопрос, почему же дирекция, заведомо информированная о гонимой акции, не отменила спектакли, тем самым столкнув непосвященную в суть дела публику с взбунтовавшимися артистами, или, как скорее их назовут, саботажниками. Это оскорбительное обвинение в их адрес вместе с приказом о закрытии театра незамедлительно было опущено из кабинета заместителя председателя Комитета по вопросам культуры О. Белкина, что вызвало не только недоумение у бастующих, но и нескрываемое удивление комиссии, занимающейся изучением конфликтной ситуации в театре. Мало того, буквально

через пару дней за той же подписью на Пушкинскую, 17 поступил новый приказ — освободить Колебова от обязанностей художественного руководителя и назначить директором-распорядителем Б. Зазерского с возложением на него функций директора.

— Мы не принимаем этот приказ, — заявили представители для советских и зарубежных журналистов пресс-конференции, — и считаем недопустимым принятие решений по вопросам, принципиально важным для творческой жизни театра, без учета мнения подавляющего большинства творческого коллектива.

Тогда же было заявлено о том, что коллектив считает невозможным дальнейшее пребывание театра в системе МКК по вопросам культуры. В связи с этим Е. Колебов, вынужденный для разрешения конфликта выйти из больницы, сообщил журналистам о своем обращении в правительство РСФСР с просьбой о переводе его в подчинение Министерства культуры РСФСР.

— Конечно, я могу уйти из коллектива, если вопрос замыкается на мне, — устало говорит Евгений Владимирович. — Не, думаю, все настолько сложное. Судьба театра сегодня под угрозой гибели. И этого депустить никак нельзя. Что касается меня, то я свой выбор сделал давно. Мои корни здесь, в России, и с ней я буду до конца своих дней, вопреки желанию тех, кто хотел бы моего изгнания.

Татьяна КВАРДАКОВА.